

# НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Он рассказывал мне, что не собирался стать актером. И в мыслях у него не было, что станет заслуженным артистом РСФСР. Мальчишкой, подростком жил в городе текстильщиков Орехово-Зуеве. Здесь была школа фабрично-заводского ученичества, в которой Алексей готовился получить профессию ткача.

В местном театре готовились поставить пьесу Юрия Яновского «Ярость». Но не было актера на роль парнишки. Тут кто-то и вспомнил про Лешу Гусева.

— Этот все может, — убеждали режиссера. — Не напрасно ведь о нем Горький добрым словом отзывался.

Сделали пробу, начались репетиции. Роль парню удалась. Потом его послали учиться в театральную студию.

Первая профессиональная сцена для молодого актера была в Брянске. Отсюда переехал в Чебоксары. Из здешнего театра дважды уезжал на войну. Сначала на финскую, потом на Великую Отечественную. Был на фронте политруком стрелковой роты.

Бывший его коллега — актер и режиссер — Асаф Михайлович Мудров на днях мне рассказывал:

— Если бы меня спросили, какова была основная черта характера Алеша Гусева, я бы, не задумываясь, ответил: оптимизм. Добавлю — это был остроумный человек. Гусев вернулся в наш театр перед окончанием войны — на костылях, с поврежденным лицом и раненой рукой. Обнимаясь с друзьями, он смеялся и плакал. А когда стал рассказывать, как его, раненого, «везли» с поля боя на волокуше, вновь его догоняли фашистские осколки и пули и жалили то в руку, то в пятку, мы не могли удержаться от смеха. Алешу и в такой ситуации не покидало чувство юмора.

Искрометным юмором светились и сценические образы Алексея Алексеевича. А их он создал немало. И все были разные. И все — плод неистощимой фантазии, мудрых жизненных наблюдений. По собственному опыту знаю, что режиссеру Гусев больше отдавал, чем от него брал. На каждую репетицию он приносил что-то новое, иногда противоречащее ранее найденному. Эти находки помогали создавать характеры неординарные, помогали избегать штампов.

Добрых двадцать лет Алексей Алексеевич считался в театре, как говорится, заядлым комиком. Зрители приходили к нам «на Гусева». Но вот в репертуаре появилось «Нашествие» Леонида Леонова, и Гусев в роли Фаунына открылся по-новому...

Выше было сказано, что о Гусеве добрым словом отзывался Алексей Максимович Горький. Вот как было дело.

Учительница задала школьникам написать сочинение о том, как бы встретились горьковские Челкаш и Гаврила через десять лет после разыгранной ими драмы. Школьные тетрадки учительница отослала Алексею Максимовичу. Вскоре от него пришел ответ. Горький назвал опыт учительницы глубоко интересным и поучительным.

Большинство юных авторов сделали вора и хозяйственного Гаврилу через десять лет добрыми друзьями. А вот «четыренадцатилетний Гусев, — заметил Алексей Максимович, — даже увеличил срок встречи до 20 лет для того, чтобы заставить Челкаша воевать против Махно».

Была у Гусева и встреча с великим писателем.

В Орехово-Зуеве Леша создал со сверстниками струнный оркестр и — набрался смелости — привез его в редакцию «Пионерской правды». Здесь оркестр прослушал музыковед Георгий Александрович Поляновский, помог ребятам выступить по радио. Об этом и в газете написали, и снимок поместили.

Когда Горький вернулся из Италии в Москву, здесь стали готовиться встречи пионеров с Алексеем Максимовичем, задумали подготовить и концерт. И Поляновский вспомнил про орехово-зуевский оркестр. Ребят пригласили в столицу. Они играли «Светит месяц», «Ах, вы, сени», «Во саду ли, в огороде».

В антракте Горький поздравил молодого «дирижера», спросил:

— А ноты вы знаете?

— Нет, мы на слух играем, — ответил Алеша Гусев.

Через несколько дней Алеша распечатал объемистую посылку. В ней были ноты, самоучители игры на музыкальных инструментах. Это был подарок Горького.

...Однажды артист Гусев зашел ко мне против обыкновения чем-то встревоженный и озабоченный.

— Вот посмотри, это я или не я? — и протянул номер «Известий».

Газета опубликовала кадр из тенденциозного зарубежного фильма. Старую ленту нашли в складе бывшего владельца кинотеатра в западном государстве. Ее снимали иностранные операторы по заказу своих хозяев. Этот фильм должен был показать, что разоренная красная Россия не сумеет подняться на ноги, если Запад ей не поможет. Господа снимали то, что им было выгодно: голод в Поволжье, кладбища паровозов, разрушенные заводы, спекулянтов на толкучках и беспризорных ребятишек, которые в мусорной яме искали куски хлеба... Тут и повстречался иноземным господам «типичный голодающий мальчик из красной России». Оператор отснял его крупным планом.

Теперь этот кадр и напечатан в «Известиях».

«Сейчас неизвестному москвичу, если, конечно, он жив, — за пятьдесят. Мы не знаем его судьбу, — писала газета. — А о ней было бы очень интересно рассказать. Отзовись, мальчуган двадцатых годов».

— Мне кажется, что это все-таки я. У отца тогда была большая семья — девять детей. Я считался бойким, шустрым и мог сам себе на хлеб зарабатывать. Частенько уезжал в Москву. То, бывало, на вокзале кому-то чмодали поднесешь, то на рынке перед кем-то сплашешь, споешь под балабайку или фокус покажешь. Глядишь, домой вернешься не с пустыми руками.

— А однажды был такой случай, — продолжал вспоминать Алексей Алексеевич. — Возле толкучки какие-то хорошие одетые господа расставляли неведомые ящики — аппараты на треногах. Мы, мальчишки, собрались поглядеть на диковинку. А потом эти господа крикнули нам «Лови!» и начали кидать куски хлеба в мусорную яму. Мальчишки бросились туда. Я успел поймать кусок на лету и отцовскими варежками прижал его к груди, чтоб не отняли. А один дядя наставил ящик со стеклом на меня и крутит ручку. Тогда я не понимал, что это за ящик со стеклом и ручкой...

Да, все подтвердилось. На снимке был он — Алеша Гусев. Кем он стал, нам теперь известно.

...Вспоминаю, как Алексея Алексеевича и меня пригласили на читательскую конференцию по книге, в которой он был одним из героев. Гусев тогда тяжело болел, но на встречу пришел. Он рассказывал о последнем своем бое.

Четвертый раз в тот день его стрелковая рота поднялась в атаку. Наши бойцы ворвались во вражеские траншеи. Завязалась рукопашная. Фашисты дрогнули. В этот момент немецкий офицер успел выстрелить в нашего старшего лейтенанта. Падая, Гусев ответил короткой автоматной очередью.

На читательской конференции я впервые услышал от него, что вражеский офицер, который стрелял в нашего, остался мертвым на поле боя. В полевой сумке у фашиста нашли документ: фюрер одаривал его лесопильным заводом на... Урале.

...Известный театральный критик сказал: «Дар перевоплощения — дар особый. Есть актеры, которые полностью растворяются в образе героя, увлеченно и послушно отождествляясь с ним. Есть художники, которые волшебным образом соединяют в себе оба эти свойства: в лепке каждого образа, всегда разного и всегда достоверного, зритель безошибочно ощущает уже знакомую ему, умную и сильную руку мастера, неповторимость его личности, его внутреннюю власть над героем».

Таким актером-художником был Алексей Гусев, которому сегодня исполнилось бы семьдесят.

Николай СТУРИКОВ.